

ИЗУЧЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ *ВОТ*, *ВОН* И *ЭТО* В ТЕОРИИ РЕЛЕВАНТНОСТИ

Тюнде Борбала Тарр

(Tarr Tünde Borbála, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Nyelvtudományi Doktori Iskola
ttb2002@gmail.com)

1. Введение

В настоящей статье предлагается новое – в нескольких аспектах – определение значения трех основных русских частиц *вот*, *вон* и *это* в рамках одного из инференционных подходов прагматики, а именно теории релевантности. Исследование ограничивается первичным значением частиц, традиционно описываемых как многозначные, дейктические слова. Для определения связи первичного дейктического значения с другими (напр.: анафорическим, модальным) значениями дается только предположительное решение, которое можно подкрепить или изменить в будущем посредством рассмотрения иных употреблений частиц.

Согласно теории релевантности, главную роль в определении дейктического значения играет отделение семантических и прагматических аспектов: разложение значения на семантическое значение в ментальном лексиконе, которое автоматически активизируется независимо от контекста при интерпретации высказывания в результате языкового декодирующего процесса, а также на прагматическое значение, которое образуется путем инференционной интерпретирующей эвристики, основанной на интеракции кодированного значения, контекста и прагматического принципа релевантности. Последний процесс представляет собой часть толкования высказывания, основывающегося на тождественном принципе релевантности и эвристике.

В настоящем исследовании кодированное значение трех дейктических частиц определяется, в первую очередь, как процедурное содержание, т.е. инструкция, направляющая внимание слушающего и ограничивающая прагматический процесс установления референта. Кроме того, предполагается, что частицы, подчиняясь этому процессу, кодируют и концептуальное значение, в частности понятие близости или дальности, включающее в себя индексикальные элементы. Как один из индексикальных элементов близости/дальности устанавливается сравнительный стандарт, который не одинаково присутствует в значении трех частиц. Это различие использовано для объяснения асимметрического кодирования ими пространства.

Как прагматическая характеристика описывается дейктическая роль частиц, определяющая референт, с помощью которой они содействуют истинностному содержанию высказывания.

2. Теория релевантности и демонстративы

2.1. Теория релевантности

Теория релевантности, служащая теоретической базой для данного исследования, представляет собой инференционную теорию коммуникации, чью основу заложили Д. Спербер и Д. Уилсон (Sperber–Wilson 1986/1995). Согласно теории коммуникация является значительным процессом человеческого познания, который регулируется экономическим принципом, а именно стремлением к максимализации релевантности (уместности) перерабатываемой информации (это когнитивный принцип релевантности). Релевантность информации для индивидов определяется пропорциями усилий, затрачиваемых на ее обработку и получаемых при ее обработке положительных когнитивных эффектов (напр., истинные контекстуальные импликации, усиление или пересмотр уже существующих предположений): чем ниже затрачиваемые усилия и чем выше положительные когнитивные эффекты, тем более релевантна информация.

Образование и инференционное понимание актов коммуникации, и, в рамках этого, высказываний вербальной коммуникации, базируются на специальном варианте этого принципа – на коммуникативном принципе релевантности – соответственно которому каждый акт коммуникации передает презумпцию своей собственной оптимальной релевантности. Коммуникативный акт оптимально релевантен для слушающего тогда и только тогда, когда: а) он достаточно релевантен, чтобы слушающий затратил усилия для его обработки и б) он наиболее релевантен при совместимости со способностями и предпочтениями говорящего (Sperber–Wilson 2002: 257).

В вербальной коммуникации интерпретация высказывания делится на две части: с одной стороны, на автоматическое декодирование, в течение которого слушающий получает семантическое значение; с другой стороны, на недемонстративную прагматическую инференционную интерпретацию, результатом чего является постижение намеренного говорящим значения, для которого языковое значение предоставляет лишь частичное доказательство. Следовательно, истинностное, по терминологии теории, эксплицитное содержание высказывания не может совпадать с декодированным содержанием. Для его установления надо дополнить декодирование в контексте, что выполняется прагматическими инференционными процессами (снятием двусмысленности, определением референции, обогащением или изменением семантического значения). Кроме разработки эксплицитного значения, прагматические инференционные процессы выполняют еще две задачи: они

устанавливают имплицатурные посылки и заключения. В согласии с коммуникативным принципом релевантности и дефиницией оптимальной релевантности слушающий пользуется следующей общей стратегией для исполнения перечисленных частных задач и образования говорящим намеренного значения: 1) последуй по пути наименьшего усилия в вычислении когнитивных эффектов: поверяй интерпретативные гипотезы (снятие двусмысленности, уточнение референции, импликация и т.д.) ради доступности; 2) оставьсь, когда твои ожидания по релевантности будут удовлетворены (Sperber–Wilson 2002: 260).

Один из главных тезисов настоящего варианта теории, играющий ключевую роль и в данном анализе, заключается в том, что кодированная семантическая информация разделяется на два главных типа: на концептуальную и процедурную информацию. Концептуальное значение кодирует компонент репрезентации пропозиции, а процедурное регулирует, ограничивает прагматические инференционные процессы (об этом подробнее см. Escandell-Vidal–Leonetti–Ahern 2011).

2.2. Значение демонстративов в теории релевантности

Среди анализов значения демонстративов, т.е. указательных выражений, в рамках теории релевантности (Powell 1998, Carston 2002, Scott 2009, Zaki 2011) самым основательным и, по моему мнению, лучшим является докторская диссертация М. Заки. Несколько модифицируя ее анализ, для описания значения русских частиц в настоящей работе я использую указанную диссертацию. Ниже я подытоживаю основные тезисы ее работы, важные в данной статье.

Для арабских и английских демонстративов М. Заки устанавливает единственное, минимальное кодированное значение, которое, вступая во взаимодействие с контекстом при толковании высказывания, содействует определению его эксплицитного и/или имплицитного содержания. Я цитирую дефиниции в своем переводе (Zaki 2011: 86): «Английские/арабские близкие демонстративы → образовать/поддержать общий уровень внимания на намеренный говорящим близкий референт как противопоставленный другим неблизким конкурентным референтам»; «Английские/арабские дальние демонстративы → образовать/поддержать общий уровень внимания на предполагаемый дальний референт как противопоставленный другим недальним конкурентным референтам».¹ Значит, кодированное значение демонстративов в большинстве языков состоит из трех факторов: 1) проце-

---

¹ На основе результатов исследования Дисселя (Diessel 2006), М. Заки считает кодирование понятия близости/дальности только доминантной, но не универсальной особенностью.

дурной информации, которая управляет вниманием слушающего; 2) концептуальной информации близости/дальности, подлежащей процедурной информации; 3) имплицитного контраста, что исходит из управления вниманием слушающего на референт и разделяет возможные референты на намеренный и прочие конкурентные референты, находящиеся в пространственной оппозиции друг с другом согласно близости/дальности.

Значительной новостью этого определения по отношению к прежним исследованиям является то, что М. Заки описывает управление вниманием как часть семантического значения, употребляя понятие процедурного значения теории релевантности. Таким образом, она занимает новую позицию относительно сформированных в философии и лингвистике двух главных подходов. По одному подходу с философским корнем, которому следуют и несколько других лингвистов (напр. Diessel 2006), управление вниманием – это функциональное свойство демонстративов. Второй подход создавался в когнитивной лингвистике. Хотя когнитивисты считают понятие внимания частью кодированного значения, все же описывают его не как процесс, а как состояние внимания, примыкающее – по предположению говорящего – к референту в уме слушающего.

Для более точного определения понятий пространства М. Заки использует модель, предложенную Д. Спербером и Д. Уилсон (Wilson 2011) при анализе значения шкалярных прилагательных. Исходя из этого, понятия близости/дальности она анализирует как представляющие собой единственный, общий и зависимый от контекста про-концепт – ‘быть помещенным на шкале дальности’. Они различаются только в противоположных процедурных направлениях на шкале.

В теорию релевантности категория про-концепта была введена Д. Спербером и Д. Уилсон (Sperber–Wilson 1998), вследствие чего концептуальное значение было разделено на два подтипа: на полное и неполное, т.е. про-концепт, содержащий индексикальные элементы (напр.: *my* ‘мой’, *have* ‘иметь’, *near* ‘близко к’, *long* ‘длинный, долгий’) – при толковании высказывания надо дополнить до полного понятия путем инференционной модификации семантического значения, присоединяющейся к определению эксплицитного значения высказывания. М. Заки точно не определяет зависимость про-концепта близости/дальности от контекста, она только приводит примеры параметров: К кому? Сравнительно с чем? На какой шкале? и т.д.

Имея в виду эту семантическую характеристику, М. Заки отвергает гипотезу о том, что демонстративы многозначны, например, по типу шкалы (шкала в физическом, текстовом, когнитивном пространстве), который в этом случае был бы не одним из параметров про-концепта, а свойством отдельных значений. Поскольку в своем анализе я изучаю только дейктиче-

ское значение, поэтому не занимаюсь обоснованностью решения М. Заки, а предполагаю, как и она, единственный про-концепт.

М. Заки пытается выдвинуть как можно полную прагматическую характеристику английских и арабских демонстративов. Кроме дейктического она анализирует их другие употребления (анафорическое, дискурсивно-дейктическое и т.д.). Она показывает, что в некоторых употреблениях демонстративы как выражения, определяющие референт, могут содействовать идентификации не только эксплицитного содержания высказывания, но и имплицитного: например, они могут выражать модальные значения. В разборе М. Заки демонстративы в дейктической роли задают одну из составных частей пропозиции, и таким образом содействуют прежде всего определению эксплицитного значения. Определение обозначенного демонстративами референта представляет собой один из инференционных прагматических процессов интерпретации высказывания, и оно регулируется той же интерпретирующей эвристикой, что и толкование высказывания в целом. При нахождении референта на основе кодированного значения слушающий выдвигает гипотезу, которая требует наименьшего усилия от него, и он придерживается этой гипотезы, если она отвечает его ожиданиям по релеванности. Я подробнее рассматриваю данный процесс на одном из примеров М. Заки (Zaki 2011: 108).

(1) *You can add it to this word.*

‘Ты можешь присоединить ее [= букву] к этому слову.’

Высказывание говорится в следующей ситуации: говорящий и слушающий сидят за игровой доской, на которой они выкладывают слова из букв. Произнося высказывание, говорящий указывает на одну из цепочек букв, чтобы помочь слушающему определить место следующей буквы.

При декодировании слушающий получает инструкцию: обратить или поддержать внимание на том же объекте, что и говорящий, для идентификации референта *this word* ‘это слово’, поставленном в контраст с иными возможными референтами (здесь: с другими цепочками букв), от которых говорящий отвлекает внимание слушающего.

Пространственное содержание кодированного значения, которое слушающий на основе контекста и принципа релеванности делает полным понятием, дает дополнительную помощь в определении референта. В общих чертах этот процесс формирования полного концепта происходит следующим образом. По теории релеванности контекст, т.е. класс имплицитных посылок, создается, когда высказывание интерпретируется. Слушающий на основе принципа релеванности включает в контекст сведения, доступные легче всего, и посредством их он может получить оптимально релевантную

интерпретацию высказывания. При толковании данного высказывания этими сведениями являются: информация, исходящая из указательного жеста, а также предположения, примыкающие к понятиям английского слова *word* 'слово' и данной игры в ментальном лексиконе и т.д. На базе составленного таким образом контекста и принципа релевантности, слушающим образуется полный концепт из про-концепта *this* 'этот', создаются индексикальные элементы про-концепта: физическое пространство, конкретный дейктический центр (расположение говорящего в пространстве) и масштаб (близости сравнительно с прочими цепочками букв).

Исходя из контекста и модифицированного семантического значения, а также следуя пути наименьшего усилия, слушающий как референт, наконец, устанавливает ту цепочку букв по сравнению с другими, которая ему легче всего доступна. Если он таким образом приобретает оптимально релевантное толкование высказывания, то он признает эту гипотезу правильной, и процесс определения референта заканчивается.

3. Семантика трех русских дейктических частиц

В русском языкознании распространено дефинировать дейктическое значение трех частиц как указание на близкий/дальний предмет, лицо или происходящее. Например, *Большой академический словарь русского языка* (Горбачевич 2004: 191) дает первое значение частицы *вот* следующим образом: «Употр. для указания на кого-, что-л., находящееся или происходящее в непосредственной близости, перед глазами или (при рассказывании, повествовании) как бы перед глазами». Однако эта дефиниция оказывается проблематичной сразу с двух точек зрения. С одной стороны, компонент указания является метафорой: часть значения слова метафоризируется с помощью указательного жеста, обычно сопровождающего его. Таким образом, дефиниция отсылает к знаку со сложным значением. Как представлено Е.А. Гришиной (2012), указательный жест обозначает и пространственную информацию, и привлечение внимания говорящего на референт. Следовательно, метафорический образ по сути дела показывает и пространственную информацию, которая формулируется дальнейшей частью определения, а также – управление вниманием, которое в метафорическом виде ясно не определяется. В новейших исследованиях встречаются попытки разрешить эту проблему: вместо указания включается в дефиницию управление вниманием слушающего (Кобозева 2007, Овчинникова 2009, Гришина 2012), но не дается ответ на вопрос, каким типом значения является управление вниманием. С другой стороны, в вышеуказанной дефиниции оспоримо и то, что не говорится о зависимости понятия близости/дальности от контекста.

В нижеследующих частях этого раздела я применяю семантическое определение М. Заки для анализа трех русских дейктических частиц. Одновременно, указав на его проблематический аспект, предлагаю и его изменение.

3.1. Управление вниманием в семантике трех частиц

Исходя из дефиниции М. Заки, можно установить, что три изучаемые русские частицы, в отличие от, например, английских демонстративов *this/that*, кодируют два подпроцесса управления вниманием (образовать/поддержать общий фокус внимания) отдельно. *Вот* и *вон* кодируют процесс образования общего фокуса внимания, а *это* – его поддержания. Это различие было замечено в русистике Е.А. Гришиной (2012: 32) при сопоставлении *вот/вон* с *этом/том*: «Если говорить в общем, не претендуя на серьезный лингвистический анализ, различие между парами *том, этот* vs. *вон, вот* заключается в том, что первая пара вводит в высказывание активированный объект указания, т.е. тот референт, к которому отсылает местоимение [sic!] *том, этот*, уже введен в зону внимания говорящего и слушающего [...]. Напротив, указательные частицы *вон, вот* впервые вводят референт в поле внимания слушающего (но этот референт к данному моменту уже находится в поле внимания говорящего)».²

Отдельное кодирование двух подпроцессов управления вниманием было выявлено и в других языках, например, в турецком (Diessel 2006), но оппозиция встречается и в венгерской системе демонстративов:

- (2) *Íme az új házam.*
‘Вот мой новый дом.’
- (3) *Ez az új házam.*
‘Это мой новый дом.’

3.2. Противостояние говорящим намеренного и прочих возможных референтов

Управление вниманием сопряжено с отвлечением внимания. В толковании М. Заки, у демонстративов управление вниманием приводит к тому, что фокусирование внимания слушающего на намеренный говорящим референт сопровождается отвлечением его внимания от других возможных референтов. Как сказано выше, по мнению М. Заки, этот контраст является частью кодированного значения демонстративов. Значит, например, если я указываю на одно дерево в лесу и говорю:

² В этом исследовании я не занимаюсь местоименной парой *этом/том*, также относящейся к системе демонстративов, однако предлагаемый анализ трех частиц, вероятно, применим и к двум местоимениям.

(4) *Вот мое дерево,*

то словом *вот* я кодирую и находящиеся на неблизком расстоянии возможные референты, т.е. другие деревья, которые в данной ситуации я не хочу обозначить и отвлекаю внимание слушающего от них. Однако наличие противостояния здесь не независимо от контекста. Хотя управление вниманием и сопровождается отвлечением или разделением внимания, слушающий не обязательно наблюдает прочие возможные референты, услышав демонстратив. Когда, к примеру, говорящий хочет обозначить какой-нибудь предмет, который в данной ситуации при произнесении высказывания встречается лишь один раз, контраст не складывается. Если мы разговариваем вдвоем с кем-то в комнате, и, увидев третье лицо, входящее в комнату, я говорю:

(5) *Вот мой друг,*

очевидно, не отвлекаю внимание слушающего от других возможных референтов, т.е. не появляется контраст.

Противостояние не обязательно образуется тогда, когда в обозначенной ситуации находится больше возможных референтов, и направление внимания на намеренный говорящим референт действительно отвлекает внимание от других возможных референтов. В очередном примере высказывание произносится в следующей ситуации: говорящий показывает на лежащую на столе книгу, а потом на положенную за нее другую книгу. На столе виднеются только эти две книги.

(6) *Вот твоя книга, а вот моя.*

Говорящий не пользуется пространственным контрастом пары *вот – вон*. Если бы мы приписали противостояние возможных референтов управлению вниманием, то получили бы противоречие: обе книги одновременно имели бы свойства близости и дальности.

Суммируя, можно сказать следующее. С одной стороны, оказывается, что неправильно воспринимать пространственный контраст возможных референтов как часть кодированного значения, присутствующую независимо от контекста. А с другой стороны, этот контраст происходит не из управления вниманием. В следующих разделах я перемещаю контраст в прагматический план, и вывожу его из особенностей кодирования близости/дальности демонстративов.

3.3. Асимметрическая пространственная ориентация в русских дейктических частицах

В этом подразделе я рассматриваю такую особенность кодирования пространства у трех русских дейктических частиц, которая была выявлена и в системе демонстративов других языков (Levinson 2004), например, в английском, но в диссертации М. Заки (Zaki 2011) об этом не упоминается. Эта особенность заключается в том, что в системах демонстративов некоторых языков понятия близости и дальности обозначаются асимметрично, в частности в русском языке значение близких частиц *вот* и *это* представляется более абстрактным, чем – дальнего – *вон*.

В русской лингвистике асимметрия частиц была показана в работе Т.М. Николаевой (2000). Она пишет об относительно большей гибкости и полифункциональности *вот*-конструкций, но не дает объяснения.

3.3.1. Привативная семантическая и эквиполентная имплицитная прагматическая оппозиция

Среди языков, в которых наблюдается асимметрия, С. Левинсон (Levinson 2004) упоминает прежде всего английский, в котором дальний демонстратив *that* ‘тот’ кодирует пространственную информацию в более общем виде, чем близкий *this* ‘этот’. Он подчеркивает, что этим может быть объяснено, почему от дальнего демонстратива *that* в английском языке образовался союз. Он приводит русский как пример такого языка, в котором более абстрактными являются близкие демонстративы.

По толкованию С. Левинсона, следующего прагматическому подходу П. Грайса, асимметрию можно объяснить, если мы предполагаем привативную семантическую оппозицию между членами пространственных пар демонстративов, в которой немаркированным является член с более общей пространственной информацией, содержащий пространственное значение маркированного члена пары в негативном виде, и, вместе с тем, обозначающий всю шкалу дальности. На основе этого *вон* имеет кодированное значение ‘+ дальний’, а *вот* и *это* – ‘– дальний’. Демонстративы *вот* и *это* приобретают значение близости как коммуникативную импликацию, которая вызывается автоматически, но в некоторых нетипичных контекстах вычеркивается. Возбудителем импликации является нарушение максимы количества П. Грайса, которая ожидает от слушающего быть не менее и не более информативной, чем требуется обстоятельствами. Следовательно, если бы референт находился на далеком расстоянии, то, следуя максиме количества, говорящий употреблял бы дальний демонстратив. Иными словами, используя недалний демонстратив, говорящий типично желает выразить, что референт находится в близости. Тем не менее эта информация

выводится слушающим лишь как прагматический вывод, т.е. как коммуникативная импликатура.

В применении к (4)-му примеру (*Вот мое дерево*) анализ происходит следующим образом. На основе автоматически вызванной импликатуры немаркированного пространственного демонстратива, слушающий интерпретирует высказывание так, что говорящий указывает на такое дерево, которое, относительно других, более дальних деревьев, находится близко. Как видно, данное толкование асимметрии придает другое объяснение контрасту, который в работе М. Заки был отнесен к управлению вниманием в рамках кодированного значения. Тут он образуется в прагматическом плане, на базе пространственного контраста. Примеры, в которых нет контраста, по этому подходу, объясняются тем, что в некоторых контекстах импликатура зачеркивается, и вследствие этого действует лишь более абстрактное кодированное значение, означающее всю шкалу. В (5)-м примере, когда мы разговариваем вдвоем в комнате и я, заметив входящее третье лицо, говорю *Вот мой друг*, в ходе интерпретации высказывания *вот* автоматически имплицитирует, что референт близко. Но оттого, что в ситуации встречается только один возможный референт, более общее понятие пространства достаточно информативно и в результате этого импликатура исключается.

Соответственно такому толкованию, *это* может означать пространственную информацию только в более абстрактном виде, так как, не имея дальнюю, более информативную пару, оно не может вызывать импликатуру близости.

Однако в связи с разбором С. Левинсона также возникают проблемы. С одной стороны, как мы убедились на (5)-ом примере, в типичных контекстах осуществляется победа более общей пространственной информации над более специальной. Таким образом, типичность содержания коммуникативной импликатуры кажется необоснованной. С другой стороны, дальнейший, теоретический вопрос: правильно ли анализировать значение близости частицы *вот* как имплицитное содержание? В статье я не рассматриваю отдельно эту проблему, но принимаю позицию теории релевантности М. Заки, согласно которой вклад прагматики в эксплицитное содержание более богатый, чем в теориях П. Грайса и С. Левинсона, т.е. в него включается не только определение референта отсылающих выражений и снятие двусмысленности, но и, например, образование полного понятия из про-концепта (об этом подробнее см. Sperber–Wilson 1986/1995, Carston–Hall 2011).

3.3.2. Асимметрия между значениями антонимных пар шкалярных прилагательных

В этом подразделе я излагаю предложенный Ф. Реканати (Recanati 2010) анализ значения шкалярных прилагательных, из которого выясняется,

что асимметрия кодирования пространства у демонстративов представляет собой более общее явление, которое характеризует и шкалярные прилагательные. Я использую его анализ, чтобы лучше сформулировать определенное С. Левинсоном различие между более и менее специфическими пространственными демонстративами, а также придать прагматическое определение более специфическому значению, согласно которому данное значение не должно считаться типичным по сравнению с менее специфическим значением.

В своем исследовании Ф. Реканати изучает шкалярные прилагательные типа *short/tall* 'низкий/высокий'. К ним можно отнести и пару *близкий (ближний) / далекий (дальний)*. Их главную особенность он видит в том, что они имеют два толкования. Одно из них, которое он считает основным значением, является комплементарным и присутствует в сравнительных конструкциях. В случае слов *short/tall* этот тип значения можно определить как 'иметь некоторую, ненулевую степень на высотной шкале'. Напр.:

- (7) *John is taller than Bill.*
'Джон выше, чем Билл.'

Другое толкование нужно для конструкций с прилагательными в форме положительной степени.

- (8) *John is tall.*
'Джон высокий.'

Слово *tall* имеет скрытое сравнительное значение, то есть содержит контекстуальную переменную, которая заполняется на основе контекста сравнительным стандартом. При интерпретации (8)-го высказывания стандарт может быть заполнен, как напр.: 'Джон высокий по сравнению со множеством двадцатилетних юношей или баскетболистов'. Основное толкование изменяется так: 'иметь некоторую степень на высотной шкале, минимум такую, которой владеет стандарт'.

Другим свойством прилагательных данного типа является то, что их антонимные пары формируют оппозицию маркированности/немаркированности. Это выявляется тем, что немаркированный член пары – в случае *short/tall – tall* 'высокий' имеет и некомплементарное (нейтральное) основное значение, значит, может обозначать всю шкалу высоты, как в ниже следующем примере.

- (9) *How tall is John?*
'Какой рост у Джона?'

Нейтральное значение и комплементарное значение без сравнительного стандарта Ф. Реканати определяет как кодированные значения прилагательных. Он предполагает, что антонимные члены пары имеют общую функцию, указывающую степень высоты. Антонимные значения различаются только тем, что они направлены в разные стороны на высотной шкале. Скрыто-сравнительные значения Ф. Реканати объясняет как прагматическое изменение, а именно обогащение комплементарных кодированных значений переменной сравнительного стандарта. Он считает более правильным ввести сравнительный стандарт как прагматическое изменение, а не как семантическое значение, потому что таким образом можно придать единую семантику шкалярным прилагательным, включая в нее и такой тип (например: *happy* 'счастливый'), у которого нет скрыто-сравнительного значения.

Следующая таблица подытоживает анализ:

немаркированное	маркированное
кодированное значение	
<p>tall1 (нейтральное) 'иметь некоторую, ненулевую степень на всей высотной шкале' <i>How tall is John?</i> 'Какой рост у Джона?' <i>John is six feet tall.</i> 'Джон ростом в шесть футов.'</p>	
<p>tall2 (комплементарное) 'иметь некоторую, ненулевую степень на высотной шкале с направлением от начала шкалы' <i>John taller than Bill.</i> 'Джон выше, чем Билл.'</p>	<p>short (комплементарное) 'иметь некоторую, ненулевую степень на высотной шкале с направлением к началу шкалы' <i>Bill shorter than John.</i> 'Билл ниже, чем Джон.'</p>
прагматическое изменение комплементарного кодированного значения	
<p>tall2* 'иметь одинаковую или бóльшую, чем стандарт, степень на высотной шкале с направлением от начала шкалы' <i>John is tall.</i> 'Джон высокий.'</p>	<p>short* 'иметь одинаковую или бóльшую, чем стандарт, степень на высотной шкале с направлением к началу шкалы' <i>Bill is short.</i> 'Билл низкий.'</p>

Вышеуказанные типы значения характерны и для русской антонимной пары *близкий (ближний) / далекий (дальний)*. Немаркированным членом пары является *далекий (дальний)*, который таким образом имеет и нейтральное значение, как это наблюдается в выражении *поезд дальнего следования*, а также в (10)-м примере.

(10) *Как далеко находится море от дома?*

3.3.3. Нейтральная и скрыто-сравнительная пространственная ориентация в трех русских частицах

Наблюдаемая у демонстративов асимметрия оказывается таким явлением, которое вообще характерно для антонимной пары *близость/дальность* и похожих на нее концептуальных пар. Типы значения прилагательных, представленных Ф. Реканати, находятся и в системе указательных частиц, но они здесь несколько различны, в частности: соотношение маркированности/немаркированности у них обратно. Немаркированному, более общему пространственному значению частиц *вот* и *это* в модели Ф. Реканати соответствует нейтральный тип немаркированного прилагательного. Демонстративы не имеют комплементарных значений без сравнительного стандарта, встречающиеся у прилагательных, так как демонстративы не образуют сравнительных конструкций. Более специфические значения частиц *вот* и *вон* можно определить как комплементарные значения со скрыто-сравнительным значением.

На основе моделей С. Левинсона и Ф. Реканати, значение *это* можно анализировать так, что оно выражает лишь более общую пространственную информацию, не имея антонимной пары. По толкованию Ф. Реканати, комплементарные антонимные значения тоже зависят друг от друга, они связаны с единственной интерпретирующей функцией.

Таким образом, индексикальный элемент, связанный в модели М. Заки с вопросом «Сравнительно с чем?», в этом анализе не всегда является частью значений трех частиц. В пространственном про-концепте частицы *это* он совсем отсутствует, а в значении *вон* – постоянный компонент. В случае слова *вот* его присутствие или отсутствие, согласно положению единственного про-концепта, я разбираю как индексикальный элемент, предлагая следующее кодированное концептуальное значение для *вот*: ‘иметь некоторую, ненулевую степень на всей шкале дальности и иметь одинаковую или большую, чем стандарт, степень на шкале дальности с направлением к началу шкалы’. В дефиниции даются две возможные интер-

претации (нейтральная и скрыто-сравнительная) индексикального элемента, связанные союзом *и*.³

Суммирование кодированных концептуальных значений трех частиц по типам значения у Ф. Реканати приводится в следующей таблице:

немаркированное	маркированное
кодированное значение	
ЭТО 'иметь некоторую, ненулевую степень на всей шкале дальности'	
ВОТ 'иметь некоторую, ненулевую степень на всей шкале дальности и иметь одинаковую или бóльшую, чем стандарт, степень на шкале дальности с направлением к началу шкалы'	ВОН 'иметь одинаковую или бóльшую, чем стандарт, степень на шкале дальности с направлением от начала шкалы'

4. Прагматика трех русских дейктических частиц

В этом разделе я занимаюсь дейктической ролью частиц, определяющей референт, путем которой они содействуют истинностному содержанию высказывания. Поскольку инференционную идентификацию референта демонстративов по анализу М. Заки я уже показала в подразделе 2.2., тут представлю лишь следствия модификации кодированного значения, в частности, как она может быть объяснением для наличия или отсутствия пространственного контраста референта при прагматической интерпретации трех русских частиц.

Оттого что в кодированном значении *это* нет сравнительного стандарта, данная частица не может выражать контраста референта с другими возможными референтами. Если в ситуации (4)-го примера, когда говорящий и слушающий стоят в лесу, произносится высказывание

(11) *Это мое дерево,*

согласно кодированному значению слушающий получает инструкцию наблюдать объект, который находится в несколько далеком расстоянии от го-

³ Такой вид формулировки недоспецифицированного лексического значения предлагается К. Бибок (Bibok 2012) для анализа русских глаголов локативной альтернативы.

ворящего и уже был в фокусе внимания до тех пор. Значит, контраст с другими возможными референтами не выражается.

В противоположность этому, так как в значении *вон* всегда присутствует сравнительный стандарт, эта частица означает пространственный контраст и тогда, когда лишь один возможный референт находится в настоящей ситуации. Если, как в контексте (5)-го примера, указывая на человека, входящего в комнату третьим, говорящий изрекает:

(12) *Вон мой друг,*

слушающему приходится образовать сравнительный стандарт, относительно которого единственный возможный референт помещается далеко от говорящего (напр.: сравнительно с самим собой, т.е. слушающим).

При интерпретации *вот*, в зависимости от контекста, слушающий выбирает из двух вариантов параметра сравнительного стандарта про-концепта. С использованием вышепредложенного определения кодированного концептуального значения слова мы можем утверждать, что при толковании (4)-го примера (*Вот мое дерево*) слушающий интерпретирует *вот* соответственно части дефиниции после союза *и*, т.е. он формирует скрыто-сравнительное значение с пространственным контрастом намеренного говорящим референта, а также других возможных референтов. А в (5)-м примере (*Вот мой друг*) наоборот: слушающий выбирает первую часть дефиниции перед союзом *и*, значит, он образует нейтральное значение, и поэтому пространственный контраст не появляется. Поскольку этот прагматический процесс не зависит от типичности контекста, как в случае имплицатуры близости в анализе С. Левинсона, вышеуказанная проблема, следующая из нее, не возникает: скрыто-сравнительное значение не представляется более типичным, чем нейтральное.

5. Заключение

В статье был предложен анализ значения трех русских дейктических частиц *вот*, *вон* и *это* в рамках теории релевантности. В исследовании были разделены семантическое значение, кодированное лексически и независимое от контекста, а также прагматическое значение, производное от кодированного значения в интерпретации высказывания на основе контекста и принципа релевантности. Семантическое значение частиц было определено как смешанное содержание, одновременно процедурное (управление вниманием слушающего на референт) и концептуальное (про-концепт близости/дальности, чувствительное к контексту). Наблюдаемая асимметрия в выражении пространства частиц была объяснена различным присутствием одного из индексикальных элементов, а именно сравнительного стандарта в

кодированном значении трех частиц. Данной асимметрией объясняется, могут ли частицы вообще выражать или когда они выражают пространственный контраст референта, который в некоторых случаях, в частности, если в ситуации речи присутствует несколько возможных референтов, совпадает с контрастом намеренного говорящим референта, а также других возможных референтов.

Важным результатом данного анализа в рамках теории релевантности является, с одной стороны, более точное определение управления вниманием с помощью понятия процедурного значения, а с другой, описание многообразной зависимости значения частиц от контекста.

ЛИТЕРАТУРА

- Горбачевич, К.С. (глав. ред.) 2004, *Большой академический словарь русского языка*, т. 1. Москва: Наука.
- Гришина, Е.А. 2012, Указания рукой как система (по данным мультимедийного русского корпуса). *ВЯ* № 3, 3–50.
- Кобозева, И.М. 2007, Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*). В кн.: Иомдин, Л.Л. (ред.), *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.)*. Москва: Изд-во РГГУ, 250–255.
- Николаева, Т.М. 2000, *От звука к тексту*. Москва: Языки русской культуры.
- Овчинникова, Т.Е. 2009, *Пространственная метафора в семантике модальных частиц дейктического происхождения: Автореферат докторской диссертации*. <http://www.linguanet.ru/science/dissertations/2009/Ovthinnikova%20T.E/Ovthinnikova%20T.E.pdf> (доступ: 2011.12.10.).
- Bibok, K. 2012, Лексико-конструкционный подход к русским глаголам локативной альтернативы. В кн.: Szumska, D. (ред.), *Язык и метод I: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 33–40.
- Carston, R. 2002, *Thoughts and utterances: The pragmatics of explicit communication*. Oxford: Blackwell.
- Carston, R. – Hall, A. 2011, Implicature and explicature. In: Schmid, H.-J. – Geeraerts, D. (eds.), *Cognitive pragmatics*. Berlin: Mouton de Gruyter, 47–84.
- Diessel, H. 2006, Demonstratives, joint attention, and the emergence of grammar. *Cognitive Linguistics* 17, 463–489.
- Escandell-Vidal, V. – Leonetti, M. – Ahern, A. (eds.) 2011, *Procedural meaning: Problems and perspectives*. Bingley: Emerald.
- Levinson, S.C. 2004, Deixis. In: Horn, L.R. – Ward, G. (eds.), *The handbook of pragmatics*. Oxford: Blackwell, 97–121.

- Powell, G. 1998, The deferred interpretation of indexicals and proper names. *UCL Working Papers in Linguistics* 10, 1–32.
- Recanati, F. 2010, *Truth-conditional pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Scott, K. 2009, A procedural analysis of *this* and *that*. *UCL Working Papers in Linguistics* 21, 151–181.
- Sperber, D. – Wilson, D. 1986/1995, *Relevance: Communication and cognition*. Oxford: Blackwell, 1th edition/2nd edition.
- Sperber, D. – Wilson, D. 1998, The mapping between the mental and the public lexicon. In: Carruthers, P. – Boucher, J. (eds.), *Language and thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 184–200.
- Sperber, D. – Wilson, D. 2002, Relevance theory. *UCL Working Papers in Linguistics* 14, 249–290.
- Wilson, D. 2011, The conceptual-procedural distinction: past, present and future. In: Escandell-Vidal, V. – Leonetti, M. – Ahern, A. (eds.) 2011, *Procedural meaning: Problems and perspectives*. Bingley: Emerald, 3–31.
- Zaki, M. 2011, *The semantics and pragmatics of demonstratives in English and Arabic: A thesis submitted to Middlesex University in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy*. http://edoc.bibliothek.uni-halle.de/servlets/MCRFileNodeServlet/HALCoRe_derivate_00006034/Mai%20Zaki%20Thesis%20CD.pdf (доступ: 2013.05.09.).